

РУССКИЕ КРИТИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ О "ДАВИДЕ САСУНСКОМ" В ПЕРИОД 1000-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ ЭПОСА

М. Г. ДЖАНПОЛАДЯН

В сентябре 1938 года в Советской Армении было принято решение Бюро ЦК КБ (б) о праздновании в 1939 году тысячелетия эпоса "Давид Сасунский". Это решение нашло отклик во всей советской стране, и подготовка к предстоящему празднику армянской культуры стала вестись во всесоюзном масштабе. В центральной печати ("Правда", "Известия", "Литературная газета" и др.) появлялись регулярные информации о ходе подготовки к юбилею, сообщалось о работе по переводу армянского эпоса на русский и другие языки народов СССР, о различных мероприятиях - выставках, докладах, вечерах и т.д. В течение целого года - с сентября 1938г. по сентябрь 1939г. - республиканская и всесоюзная русская пресса публиковала статьи об армянском эпосе, принадлежащие армянским и русским писателям, критикам, ученым. А в самые дни юбилея "Давиду Сасунскому" были отведены целые полосы газет "Правда", "Известия", "Коммунист", "Литературная газета", "Советское искусство". В литературно-художественных сборниках и журналах (альманах "Дружба народов", журналы "Красная новь", "Театр", "Литературная учеба" и др.) печатались снабженные предисловиями отрывки из эпоса, статьи. Были изданы и сборники научно-исследовательского характера, приуроченные к 1000-летию эпоса. Таким образом, за юбилейный период о "Давиде Сасунском" сложился на русском языке значительный критический материал, представляющий несомненный историко-литературный, научный интерес.

Приступая к анализу этого материала, следует, однако, прежде всего выделить одну общую черту, присущую большинству русских критических публикаций: они несут на себе печать эпохи, печать сталинской идеологии. Авторы статей подчеркивали, что только в советское время, благодаря заботе великого Сталина, стал возможен подобный юбилей, и только теперь, под руководством великого вождя, осуществились вековые народные идеалы, которыми проникнут армянский эпос. Особенно благодатным был в этом плане образ Мгера Младшего - героя, который, устав от бесплодной борьбы со злом и несправедливостью, наводнившими землю, уходит в скалу и ждет там своего часа, "когда разрушится мир и воздвигнется вновь". О том, что именно в советское время настал этот час, писали многие авторы. Сравним у В. Кирпотина: "Вещее пророчество ныне исполнилось! Старый мир разрушился... Земля вновь стала носить на себе богатырей", или у В. Гольцева: "Сейчас его (Мгера. - М. Д.) день настал. На своем дивном коне Мгер появляется из глубины веков, видит возрожденную страну, и мы, люди героической сталинской эпохи, приветствуем героя"¹.

¹ В. Кирпотин. Правда народной символики. "Литературная газета", 1939, 10 августа; В. Гольцев. Давид Сасунский. "Литературная газета", 1939, 15 августа, и др.

Некоторые основные идеи армянского эпоса звучали особенно остро и в связи с внешнеполитической ситуацией, сложившейся вокруг советской страны к концу 30-х годов. Ведь это был канун Великой Отечественной войны, время, когда Европа уже полыхала огнем войны с фашизмом... Поэтому в публикациях о "Давиде Сасунском" главная идея эпоса - защиты родины от врага - нередко преподносилась и в контексте внешнеполитической атмосферы тех дней. И если образ Мгера Младшего стал в интерпретации критиков воплощенным символом новой, справедливой, полной изобилия жизни, то образ Давида актуализировался как образ защитника своей страны, сумевшего дать достойный отпор врагу и всегда стоявшего на страже интересов Сасуна. Не случайно, печатая отрывки из эпоса, юбилейная периодика отдавала предпочтение эпизодам борьбы Давида с Мсрамельком и победы Давида. Многие авторы (В. Кирпотин, С. Гайсарьян, А. Деев) цитировали слова Давида, обращенные к врагу: "Не вздумайте ходить войною на Сасун!". Эти же слова были вынесены в заголовок передовицы газеты "Советское искусство" (1939, 14 сентября).

Итак, время оставило свой отпечаток на юбилейных публикациях об армянском эпосе: зачастую они приобретали подчеркнуто политизированный, социологизированный характер. Однако это было неизбежной данью эпохе, данью идеологии и не может быть вменено в вину авторам статей. Отметив эту общую черту, можно вынести ее, так сказать, за скобки, анализируя и оценивая в статьях о "Давиде Сасунском" уже то, что непосредственно связано с эпосом как таковым, с его идейно-художественной сутью.

* * *

Из множества публикаций об армянском эпосе можно выделить статьи, имеющие в основном популяризаторский, пропагандистский характер и призванные пробудить у неармянского читателя интерес к "Давиду Сасунскому". В статьях этих давалась общая характеристика эпоса, его исторической основы, его главных героев. В них вкратце пересказывался сюжет эпоса, отмечались основные его идеи, приводились важные в идейном отношении отрывки². Читатель находил здесь и познавательный фактический материал: сведения о первых записях эпоса, о количестве известных вариантов, о литературных обработках эпоса, его первом переводе на русский язык и др. Порой это были и сведения, не относящиеся к "Давиду Сасунскому" непосредственно, но связанные с ним: о древней и средневековой армянской литературе и культуре, об образцах древнейшего эпического творчества армян³. Содержащие много нового, ранее неизвестного широкому русскому читателю, статьи эти, конечно, выполнили свою популяризаторскую, пропагандистскую функцию, однако этим в целом и ограничивается их значение. Поэтому подробно рассмотрим именно те юбилейные публикации, в которых высказаны глубокие, интересные мысли об идейно-художественном содержании "Давида Сасунского", а также поставлен ряд вопросов научного плана.

---

² См.: Н. Зарьян. "Сасунци Давид". "Правда", 1938, 15 октября; Н. Семенов. Вечность народа. "Литературная газета", 1939, 30 сентября; А. Геворкян. Сасунци Давид. "Коммунист", 1938, 24 сентября и др.

³ См.: Г. Абов. Великое творение армянского народа. "Правда", 1938, 11 декабря; Р. Григорян. "Сасунци Давид". "Литературная газета", 1938, 20 октября; он же: "Культура армянского народа", "Советское искусство", 1939, 14 сентября; А. Аршаруни. "Давид Сасунский", "Советское искусство", 1939, 4 сентября.

Характеризуя армянский эпос, авторы прежде всего заостряли свое внимание на его идейной сути, ярко проявившейся в его главных мотивах, в образах эпических героев. Выделяя такие характерные мотивы “Давида Сасунского”, как патриотизм, гуманизм, демократизм, стремление к миру, любовь к труду, мечта о свободной и справедливой жизни и др., они в самом содержании, в самом развитии того или иного мотива, в его оттенках, деталях разглядели национальный характер народа, создавшего эпос, его нравственный мир, его идеалы. Так, тема борьбы против врага, за свободу родины характерна для многих народных эпоев. Какие же черты “Давида Сасунского” сообщают, по мнению авторов, этой теме особое идейное наполнение, как проявилось в трактовке этой темы народное миропонимание? По словам Алексея Толстого, в рассказе о борьбе Давида с арабским войском и Мсрамеликом “поражает возвышенность чувства и высокодушие народных певцов, слагателей поэмы, высокодушие и гуманность народа армянского (здесь и далее в цитатах выделено мной. - М. Д.), требовавшего от певцов такого возвышенного оборота сюжета”⁴. И в разных статьях на различных примерах фактически показано, в чем именно проявились эти отмеченные А. Толстым черты. Многие авторы обращают внимание на одну из главных особенностей армянского эпоса: войны, которые ведут сасунские богатыри, носят оборонительный, освободительный характер. И. Розанов пишет: “Борьба, которую ведут богатыри, военные подвиги, ими совершаемые, не преследуют никаких завоевательных целей: это справедливая, освободительная война”⁵. А. Деев отмечает: “Давид сражается, только будучи вынужден к тому”⁶. О том, что войны в армянском эпосе, в отличие от других народных эпоев, никогда не носят захватнического характера, говорит и В. Кирпотин. Он проводит параллель с произведениями мирового рыцарского эпоса, где “героические деяния часто выступают в качестве самоцели. Герой совершает в них подвиги, чтобы показать свое военное умение или прославить даму сердца”, между тем как “подвиги сасунских храбрецов на всем протяжении огромной поэмы не носят самодовлеющего характера”. Герои “Давида Сасунского”, по словам Кирпотина, “обнажали меч для защиты родины, для освобождения страны от иноземных врагов или от истреблявших ее население чудовищ”⁷. Отметим авторы и то, что в армянском эпосе войны никогда не ведутся ради наживы. С. Гайсарьян подчеркивает, что “война не рассматривается в армянском эпосе как средство обогащения”⁸. Эта мысль как бы иллюстрируется в статье М. Арази: “Давид, - пишет он, - возвращается домой после победоносной войны на пустой арбе”⁹.

Критики увидели в армянском эпосе и яркое выражение “миролюбивого духа народа” (А. Деев), ссылаясь при этом на замечательный эпизод - разговор старика-араба с Давидом. В этом эпизоде, как известно, сконцентрированы сущностные идейные черты армянского эпоса, и не случайно его упоминают многие авторы: А. Толстой, В. Державин, В. Кирпотин,

⁴ “Литературная газета”, 1939, 10 сентября.

⁵ И. Розанов. Давид из Сасуна. “Литературная учеба”, 1939, №11, с. 44.

⁶ А. Деев. Гуманизм “Давида Сасунского”. “Литературная газета”, 1939, 26 августа.

⁷ В. Кирпотин. Подвиг народа. “Правда”, 1939, 12 сентября. Об этом же говорил Кирпотин на Пленуме СП СССР. См. “Коммунист”, 1939, 18 сентября.

⁸ С. Гайсарьян. Патриотическое в “Давиде Сасунском”. “Литературная газета”, 1939, 1 августа.

⁹ “Коммунист”, 1939, 18 сентября.

В. Гольцев, А. Деев, И. Розанов... Помимо идеала мирной жизни, авторы в словах арабского старца нашли и выношенную многовековым жизненным опытом мысль о том, что **войны народу не нужны, что инициаторами войн являются не народы, а правители.** "В пылу боя, - пишет С.Шервинский о Давиде, - он вникает в убедительную речь старика-араба, его озаряет новая мысль - о неповинности тех простых людей, которых погнала на войну мстительная воля Мелика, - и Давид прекращает бой"¹⁰. И.Розанов считает этот эпизод одним из тех определяющих эпизодов, в которых заключены "оригинальность, сила и значение "Давида из Сасуна". Он подчеркивает, что, выслушав слова старика-араба о Мсрамелике, силой погнавшем народ на войну, Давид "отказывается выступать против войска, согнанного насильно. Он решает спор единоборством с Мсрамеликом"¹¹.

Эпизод с арабским старцем дал возможность русским критикам выделить и другие мотивы, характерные для армянского эпоса. То, что сокровенные народные идеалы вложены в уста врага; то, что Давид не расправился с врагом, а выслушал его и признал правоту его слов, - все это свидетельствует, по мнению авторов, о **гуманистическом духе**, пронизывающем эпос, и об отсутствии в нем мотива национальной исключительности, равно как и слепой ненависти к представителям вражеского народа. "Есть еще одна замечательная черта в "Давиде Сасунском", на которую следует обратить внимание, - пишет В. Кирпотин. - В эпосе, родившемся в борьбе за национальную независимость, нет **националистической ненависти.** .... Крестьянин Армении не видел врагов в крестьянах, пастухах, ремесленниках народов - пришельцев-завоевателей". В. Кирпотин говорит также об **"отсутствии национальной исключительности и национальной нетерпимости"**¹² в эпосе. Эти черты он усматривает и в эпизоде, когда Давид уже после победы над Мсрамеликом обращается к арабам "со следующими превосходными словами: "Я не хочу чужого добра, я не стремлюсь завоевать чужие земли, вернитесь в свои края и займитесь честным трудом"¹³. На этот эпизод также обратили внимание многие критики. А. Деев комментирует его так: "Какая прекрасная черта: даже в людях, которые принесли в Сасун ужасы войны, смерть, разорение - Давид видит тружеников, пробуждает в них лучшие чувства, зовет их к мирной жизни"¹⁴.

Отметили авторы и то, что сам бой Давида и Мсрамелика - бой для армян роковой, судьбоносный, ведется армянским героем исключительно честно, благородно. "Давид честен, прям даже по отношению к врагам, он не хочет одолеть Мсрамелика хитростью, он зовет его на открытый бой"¹⁵, - пишет Кирпотин, а в статье "Подвиг народа" он замечает, что прямота и открытость поступков - черты, присущие всем богатырям армянского эпоса, а "хитрость, обман, вероломство - свойства, характеризующие врагов". Тут же критик выделяет еще одну важную черту - идеализацию не только честности поступков, но и **честности слов.** "Богатыри, - пишет он, - ратоборцы за правду". Автор подкрепляет свой вывод примерами и выводит один

¹⁰ С. Шервинский. "Давид Сасунский" и его драматические обработки. "Театр", 1939, № 10, с. 80.

¹¹ И. Розанов, указ. статья, с. 44.

¹² В. Кирпотин. Поэзия армянского народа. Москва, 1938, с.с. 22-24. См. также статью Кирпотина в газете "Известия" от 15 января 1938 года.

¹³ См. предисловие Кирпотина к кн. "Давид Сасунский". Перевод В. Брюсова и М. Лозинского. Москва, 1939, с. 13.

¹⁴ А. Деев, указ. статья.

¹⁵ В. Кирпотин. Поэзия армянского народа, с. 22.

из главных нравственных постулатов армянского эпоса: **“Лучше смерть, чем нарушение данного слова, чем обман”**¹⁶. Кирпотин сказал здесь об очень существенном мотиве в “Давиде Сасунском”. Ведь в эпосе не раз повторяется: “Пусть тот умрет, кто слово не сдержал свое”¹⁷. И это подтверждается судьбами главных героев - Мгера Старшего и Давида.

Интересно, что на другой аспект этого же мотива обратил внимание и В. Гольцев. Он написал не о силе слова вообще, а о силе поэтического слова в народном понимании. “Избавив родину от грозной опасности, Давид, хотя был обручен с Чмшрик-султан, отправился за Хандут, которая была воспета народными певцами. Примечательно подчеркивание в “Давиде Сасунском” силы поэтического слова, его воздействия на жизнь людей”¹⁸. И действительно, важно, что Давид предпочел Хандут своей невесте не по какой-либо иной причине, а потому лишь, что вдохновился услышанной им песней гусанов! Это - тонкое наблюдение критика.

Отметил В. Гольцев и такую яркую черту армянского эпоса, как **демократизм**. “Характерно, - пишет он, - что Санасар и Багдасар, как народные герои, прежде всего заботились о неимущих людях: сначала они создали дома для бедных, а потом уже довершили постройку крепости”¹⁹. Эти же эпизоды как свидетельство идеализации в эпосе мирного труда привлекли внимание И. Розанова, причем, по его мнению, эта черта в “Давиде Сасунском” выступает гораздо ярче, сильнее, чем в других произведениях народного эпоса: “Ни в одной, кажется, героической поэме не выражена так отчетливо идея труда и мирного строительства, как в “Давиде из Сасуна”. Недаром в первой же песне рассказывается о гигантской работе братьев-богатырей Санасара и Багдасара на постройке крепости”²⁰. А Ов. Меликян связывает идею мирного труда с выражением народных идеалов свободы не только от чужеземного, но и от всякого гнета вообще: “Почему герои строят новый дом? Народ убежден, что обладать полной свободой может только новопостроенный дом”²¹.

Таким образом, авторы раскрыли самые важные мотивы армянского эпоса и пришли к выводу о его высокой идейной ценности, о “высокодушии и гуманности народа армянского” (А. Толстой) - слагателя “Давида Сасунского”. В плане обобщенной характеристики примечательны и слова А. Деева о том, что эпос “раскрывает перед нами настоящую энциклопедию гуманизма во всех его проявлениях, будь то отношение одного народа к другому, будь то взаимоотношение отдельных людей”²².

* * *

Раскрытие основных идей и мотивов эпоса зачастую сопровождалось характеристикой и оценкой героев. Причем в поле зрения авторов оказывались герои не только главные, но и второстепенные, эпизодические. “Невозможно тут перечислить все те разнообразные, живые, типические лица,

¹⁶ В. Кирпотин, указ. статья.

¹⁷ Давид Сасунский. Армянский народный эпос. Изд. АН СССР, М.-Л., 1939, с. 140. В дальнейшем в самом тексте.

¹⁸ В. Гольцев, указ. статья.

¹⁹ В. Гольцев, указ. статья.

²⁰ В. Гольцев, указ. статья.

²¹ Ов. Меликян. Патриотизм, демократизм и идея труда в эпосе “Давид Сасунский”. См.: Давид Сасунский. Юбилейный сборник, посвященный 1000-летию эпоса. Изд. АРМ ФАНа, Ер., 1939, с.34.

²² А. Деев, указ. статья.

которыми полон эпос,- пишет Дереник Демирчян. - От описания дел и характеров их веет какою-то ласкающей мягкостью, снисходительным, спокойным и объективным, человеческим отношением народа к этим героям и вообще людям”²³. Демирчян отмечает и такую характерную особенность в обрисовке героев эпоса, как отсутствие “безоговорочно положительного отношения к изображению армянских типов”, отсутствие полярно противоположного подхода к героям-армянам и к героям-арабам, наличие и в тех, и в других общечеловеческих качеств: “Национальные типы неодинаково положительны, а вражеские - отрицательны”. В этом аспекте интересно и наблюдение К. Липскерова об образах врагов: “Замечательно,- пишет он,- что в эпосе, творческой предпосылкой для которого было чувство ненависти к поработителям родины, враг показан сказителем не злодеем с большой буквы, но также живым человеком, наделенным, как все персонажи эпоса, общечеловеческими чертами”²⁴.

Обращено внимание и на то, что образы главных героев-богатырей, несмотря на присущие им общие черты, ярко индивидуализированы. И. Розанов замечает, что в эпосе “герои не на одно лицо, а каждый имеет свои индивидуальные черты. Санасар отличается инициативой, предприимчивостью, рассудительностью, где можно, старается действовать силой убеждения. Характерна его нежная заботливость по отношению к матери и брату. Его сын Мгер Старший проще и доверчивее своего отца... Доверчивость его выразилась в том, что он дал властителю Мсыра Мелику-старшему провести себя”. Сказав о том, что “судьба внука Санасара Давида была сложнее, чем его отца и деда” и объяснив, “почему Давид стал любимым героем армянского эпоса”, Розанов переходит к Мгеру Младшему, подчеркивая, что этот герой “только физическою силой и бесстрашием похож на своих предков. Он - бесприютный скиталец, вечно неудовлетворенный искатель правды”²⁵. Примечательно, что именно на этих чертах Мгера Младшего заостряет внимание и В. Гольцев (в отличие от других критиков, акцентирующих в нем воплощение народных идеалов, ставших реальностью в советскую эпоху): “Ощущение трагизма не покидает нас при чтении заключительной, четвертой части ветви, посвященной Мгеру Младшему, - пишет он. - Ведь Мгеру присуще сознание своей обреченности. Герой знает, что он - последний в сасунском роде, что ни детей, ни смерти ему не дано”²⁶. Мысли И. Розанова и В. Гольцева сближаются с исаакяновской трактовкой образа Мгера Младшего. Ав. Исаакян выделяет этого героя как “наиболее трагичного и величавого” из всех образов армянских богатырей. “Он человек несчастный и гонимый... Он блуждает из страны в страну, видит воочию общественную несправедливость... Мир тесен для него, земля зыблется под его ногами”²⁷.

Особое внимание критиков привлекли женские образы эпоса. Им посвящена отдельная статья С.Гайсарьяна; значительное место отведено им и в статье И. Розанова, которая интересна не только конкретной характеристикой образов, но и обобщенной оценкой отношения армянских сказителей к женщине. “Поражает в поэме, - пишет он, - уважение к женщине,

²³ Д. Демирчян. “Давид Сасунский” как история и философия армянского народа. См. : Давид Сасунский . Юбилейный сборник..., с. 21.

²⁴ К. Липскеров. Элементы драматургии в “Давиде Сасунском”. “Советское искусство”, 1939, 14 сентября.

²⁵ И. Розанов, указ. статья.

²⁶ В. Гольцев, указ. статья.

²⁷ Ав. Исаакян. Мысли о нашем эпосе. “Литературная газета”, 1938, 15 сентября.

высокое представление о ее мужестве, самоотверженности, благородстве, чувстве чести, патриотизме и способности к глубокому чувству. Это тем более изумительно, что женщина на Востоке, в частности и в Армении, была более порабощена, чем в европейских странах. В этих замечательных женских типах народ выразил свою мечту о свободной, равноправной женщине. И кажется, ни в каком другом эпосе эта мечта не выражена с такой силой и убедительностью, как в Давиде из Сасуна²⁸. Что касается статьи С. Гайсарьяна, то в ней в целом верно раскрыты образы героинь-армянок, но достаточно односторонне очерчен образ Исмил-ханум. Охарактеризовав его как "сложный и поучительный", критик говорит лишь об отрицательных поступках героини, направленных против армян. Он пишет: "Отношение Исмил к Давиду определяется только политическим расчетом. Будучи умнее своего сына Мелика, она хотела превратить Давида в орудие захватнической политики Мсыра"²⁹. Это - прямолинейная оценка образа Исмил, не соответствующая отраженному в эпосе народному отношению к героине. Действительно, соглашаясь оставить в Мсыре младенца Давида и вскормить его, Исмил думает, что впоследствии Давид станет опорой ее сыну и они вместе будут править Мсыром, но когда между братьями устанавливаются враждебные отношения, и Мсрамелик неоднократно порывается убить Давида, Исмил-ханум руководствуется уже не политическими, а чисто человеческими побуждениями и всякий раз отводит от Давида угрозу гибели. Вспомним:

**Мсра-Мелик с лука снял тетиву,
Удавить Давида хотел.
Тут в двери мать его вошла,
Схватила за руку его: - Что хочешь делать, сын?
- Хочу Давида задушить.
Он палицей моей поиграл,
И город весь от того задрожал.
А мать пред сыном, грудь обнажив,
Сказала: - Коль ты Давида убьешь,
Будет ядом тебе мое молоко!**

(с. 177)

Не говорим уже о том, что отношение сказителей к образу Исмил-ханум достаточно четко выражено в поминовении к третьей ветви эпоса:

**С поклоном помянута будь,
Исмил-ханум!**

* * *

В юбилейных русских публикациях "Давид Сасунский" оценивался и с художественной стороны. Как отметил Всеволод Иванов, армянский эпос "необычаен силой своего воздействия на читателя, - так и кажется, что ты... открыл чудесную дверь в мир ясный, крепкий и непередаваемо сильный"³⁰. О высокой художественности "Давида..." говорит и один из его переводчиков, Вл. Державин: "Поэтические достоинства эпоса велики. Мощно вылепленные фигуры героев дышат яркой полнокровной жизнью"³¹. Отметим, что и Ав. Исаакян считал большим художественным достоинством

²⁸ И. Розанов, указ. статья.

²⁹ С. Гайсарьян. Женские образы. "Литературная газета", 1939, 15 сентября.

³⁰ "Литературная газета", 1939, 20 сентября.

³¹ См. предисловие В. Державина к кн. Давид Сасунский. Б-ка "Огонек", "Правда", Москва, 1939, с. 8.

эпоса образы его главных героев, в частности, Давида и Мгера Младшего. “В чеканке этих типов, - отмечает он в указанной статье, - эпос поднялся до высокой художественной высоты”.

Примечательно, что мнения о некоторых чертах поэтики эпоса, о его стиливых особенностях у армянских и русских авторов нередко совпадают. Это говорит в пользу русского перевода эпоса и показывает, что переводчики бережно воссоздали не только содержание и идеи, но и выразительные особенности “Давида Сасунского”. Так, в названных статьях В. Гольцева, С. Шервинского, В. Державина, Д. Демирчяна можно проследить своеобразную переключку мнений о манере эпического повествования, характерной для “Давида Сасунского”, о ритмическом разнообразии и звучности стиха, о юморе в эпосе и др., - мнений, в целом совпадающих, а в деталях, оттенках дополняющих, обогащающих друг друга.

Некоторые публикации целиком посвящены отдельным вопросам поэтики и художественного своеобразия “Давида Сасунского”. Таковы статьи Гегама Сарьяна “Лирика в эпосе” (“Литературная газета”, 1939, 15 сентября) и К. Липскерова “Элементы драматургии в “Давиде Сасунском”. “Диалоги “Давида Сасунского”, - считает К. Липскеров, - нельзя рассматривать лишь как колоритные детали повествования или как образцы разговорной народной речи... Диалоги в “Давиде Сасунском” в огромном большинстве случаев служат развитию самого действия эпоса, т.е. выполняют то назначение, которое им свойственно в драматическом произведении. Принимая во внимание огромное количество диалогов, да и монологов в “Давиде Сасунском”, можно говорить о драматургической стихии в творчестве народных армянских сказителей”³².

По мнению К. Липскерова, в диалогах армянского эпоса используются “точные, простые, единственно возможные слова для характеристики чувств и поступков героев”. Автор отметил и высокий художественный уровень диалогов, их “поразительную лаконичность и психологическую правду”, насыщенность содержанием, настроением, - черты, роднящие, как считает автор, армянский эпос с величайшими образцами мировой драматургии. “От этой реплики не отказалась бы и шекспировская Клеопатра”, - говорит Липскеров о словах Исмиль, обращенных к служанкам: “Где семилетнее вино?”, сказанных ею в разговоре с Мгером Старшим, сказанных как последняя, отчаянная попытка во что бы то ни стало удержать его в Мсыре”³³. Интересно и наблюдение автора о диалоге между Мгером Старшим и Мсрамеликом накануне их битвы. По его мнению, диалог этот построен с учетом того, как он произносится, т.е. “сказитель творит так, как творит драматург”.

Драматическую стихию выделяет как одну из характерных сторон эпоса и С. Шервинский. “Как в развитии событий, так и в характерах героев, по течению всего эпоса, налицо постоянная внутренняя коллизия и ее естественные спутники: неразрешенности, переломы, разрешенья, непримиренные и примиряемые противоречия, контрасты - все то, что составляет **черты драматического в искусстве**”, - пишет он. Отметив, что особенно богата драматическим содержанием ветвь о Давиде, С. Шервинский называет эпизоды и из других ветвей, каждый из которых, по его мнению,

³² К. Липскеров. Элементы драматургии в “Давиде Сасунском”. “Советское искусство”, 1939, 14 сентября.

³³ Этот отрывок из статьи К. Липскерова целиком приведен в статье Л. Мкртчяна “Армянский народный эпос в русском переводе”. См. Л. Мкртчян. О стихах и переводах. Ер., 1965, с.105-106.

“может быть превращен в эпизод драмы, без насилия, без искусственного приспособления, только в силу заключенных в нем драматических черт. Нельзя, - заключает автор, - не удивиться подобному богатству драматической стихии в этом древнем памятнике народного творчества”. Насыщенность армянского эпоса драматическими коллизиями вызывает у С.Шервинского, как и у К.Липскерова, ассоциацию с Шекспиром: “Можно смело сказать, что “Давид Сасунский” - и Гомер, и Шекспир армянского народа”³⁴. А в статье И.Розанова дана обобщенная характеристика и оценка армянского эпоса с точки зрения его художественности: “Богатая лиризмом и драматизмом, экономная на слова, поэма “Давид из Сасуна” по своему художественному совершенству является одним из лучших образцов мирового народного эпоса”³⁵.

* * *

В целом ряде статей освещались вопросы научного, библиографического, фольклористического характера: собрание и запись вариантов эпоса, особенности сводного текста, историческая эпоха создания эпоса и культура армян в эту эпоху³⁶, мифологические черты “Давида Сасунского” в их сопоставлении с мифологией других народов, различные гипотезы, толкования отдельных географических названий, имен, встречаемых в эпосе и др. Так, в статье М. Абеяна “Об армянском народном эпосе “Давид Сасунский”. Библиография” подробно представлен и оценен обширный библиографический материал: публикации вариантов, критические отзывы об эпосе на армянском и русском языках, научные исследования, художественные обработки - вплоть до юбилейного, 1939 года³⁷. А статья В. Терзибашяна “Дверь Мгера” явилась фактически первой научной публикацией на тему “Давид Сасунский” в русской литературе”. Здесь в хронологическом порядке представлена история освоения армянского эпоса в русской действительности с 80-х годов XIX века: упоминания о “Давиде Сасунском”, критические отклики, переводы отдельных вариантов, художественная обработка А. Кулебякина³⁸...Точно такое же название - “Дверь Мгера” - избрал для своей статьи и Б. Пиотровский, но предмет научного интереса у автора иной: связь эпизодов ветви о Мгере Младшем с древними памятниками района озера Ван и с легендами об этих памятниках. Статья Б. Пиотровского примечательна и тем, что в ней содержится интересный фольклорный материал: автор приводит легенды о “двери Мгера”, которые он извлек из трудов западноевропейских ученых, исследователей клинообразных урартских надписей - Ф. Шульца, А. Сейса, А. Лэйярда³⁹.

В сборнике “Давид Сасунский”, изданном армянским филиалом Академии наук, были помещены статьи К. Тревер “Водный Антей армянского эпоса”

³⁴ С. Шервинский, указ. статья, с.81,82.

³⁵ И. Розанов, указ. статья.

³⁶ См.: А. Абрамян. Эпоха “Давида Сасунского” (“Коммунист”, 1939, 29 января; статьи в юбилейном сборнике, посвященном 1000-летию эпоса)изд. АРМ.ФА-На): А. Арутюнян. Эпоха “Давида Сасунского” (исторический обзор); Г. Левонян. Армянская культура в период создания эпоса “Давид Сасунский”. В научном сборнике “Давид Сасунский”, изданном тбилисским университетом под ред. проф. Л. Меликсет-Бека (Тбилиси, 1939), есть статьи и на русском языке: Г. Чубинашвили. Армянское искусство с конца 9 века и до начала 11 века; К. Корганов. Сказители поэмы “Давид Сасунский”.

³⁷ См. Юбилейный сборник..., с. 57-95.

³⁸ В. Терзибашян. Дверь Мгера. “Литературная газета”, 1939, 15 сентября.

³⁹ Б. Пиотровский. Дверь Мгера. “Коммунист”, 1939, 15 сентября.

и А. Банк “Дигенис Акрит византийского эпоса и “Давид Сасунский”. Уже по названиям статей видно, что ученые рассматривают армянский эпос в сравнении и сопоставлении с другими образцами мирового фольклора. Как отмечает К. Тревер, одни и те же мифы у каждого народа получают свою особую окраску, связанную с конкретными историческими или географическими условиями его жизни. В этом аспекте автор выявляет содержание и значение, которое получает в армянском эпосе образ чудодейственной воды. Показав на различных примерах роль водной стихии в жизни армянских богатырей, К. Тревер проводит сравнения с греческой мифологией, где титаны являлись детьми земли в образе богини Геи, и связывает мифологические представления армян и греков с природой, характерной для каждой из стран: “В условиях жизни Греции, страны островов и изрезанного морем материка, страны, богатой водой, но весьма бедной землей,- основной и родной стихией титана является земля, его породившая. В стране, бедной водой, в стране, где от наличия или отсутствия воды зависит наличие или отсутствие хлеба,...пастбищ для скота,- в Армении основной и родной стихией является вода, их породившая”⁴⁰. Интересны также наблюдения автора о представлениях древних армян, отразившихся в образе Молочного ключа, в образе злых сил, преграждавших дорогу к воде (например, вишاپ Зеленого города), т.е. ставящих под угрозу саму жизнь.

В статье А. Банк впервые была сделана попытка провести параллели между армянским и византийским эпосом. Поводом для такого сопоставления, по мнению автора, может быть и сама дата зарождения византийского эпоса - X век. Ценность этой статьи в том, что, показывая сходство в сюжетных линиях, мотивах, поступках и характерах главных героев армянского и византийского эпоса (что само по себе содержит интересный иллюстративный материал для изучения общих эпических мотивов в “Давиде Сасунском” и других героических эпопеях), автор делает совершенно правомерный вывод о том, что “здесь нельзя искать какого-либо непосредственного воздействия одного эпоса на другой” и что “при всех элементах сходства здесь, несомненно, больше черт различия, проявляющихся в самом духе, в самом образе мыслей породившего эпос народа”⁴¹.

Среди научных публикаций особое место занимает предисловие И. Орбели к академическому изданию сводного текста эпоса (М.-Л., 1939). Предисловие это явилось фундаментальным научным словом о “Давиде Сасунском”. Адресованное широкому читателю, оно написано живым, выразительным языком, вообще характерным для работ выдающегося ученого. Подобная манера изложения позволяет читателю проникнуть в вопросы сугубо научного характера, выдвинутые И. Орбели. Таковы, например, рассуждения ученого о времени оформления армянского эпоса и возникновения отдельных его элементов, полемически направленные против тех исследователей, которые, не учитывая жанровых особенностей эпоса, относились к его мифическим и сказочным элементам как к чему-то второстепенному и весь эпос считали отделенным от нас лишь тысячелетием. Орбели же на самом материале показывает, что некоторые детали эпоса связаны с более ранними или более поздними эпохами. “Есть возможность утверждать, - пишет он, - что в том виде, как сложились основные моменты сказаний, вошедших в эпос, они получили оформление приблизительно

---

⁴⁰ См. Давид Сасунский. Юбилейный сборник... с.135.

⁴¹ Там же, с.146.

1000 лет тому назад. ...Но возникновение отдельных моментов эпоса отделено от нас не одним, а многими тысячелетиями"⁴².

С вопросом о времени оформления армянского эпоса тесно связан выдвинутый в предисловии вопрос об его исторической основе. Здесь особенно ценно четко выраженное ученым неприятие метода изучения историзма эпоса путем поисков конкретных исторических прототипов эпическим героям. "Делались усердные попытки, - пишет И. Орбели, - подставить других князей и царей Армении, носивших наличные в эпосе или схожие с ним имена, вместо действующих лиц эпоса. Но упущено было из виду, что каждая такая попытка связана с неизбежным нагромождением анахронизмов... Все эти попытки "исторического" толкования эпоса упускали из виду подлинно историческую ценность эпоса, как **документа истории культурной**" (с.14).

Живо, образно говорит И. Орбели и о наслоениях в эпосе, уподобляя образование наслоений вокруг исторического ядра эпоса процессу, происходящему в пространстве раковины-жемчужницы: "Как невидимая глазу крупинка, постепенно накапливая на себя все новые и новые слои, превращается в чудную жемчужину", так и, "быть может, тот самый безымянный юноша из Хута в Сасуне, окутанный слоями перенесенной на него народной памятью красоты героизма, и послужил ядром для чудесной жемчужины армянского эпоса, образа Давида Сасунского" (с.19).

Важна также мысль ученого о неразрывном, органическом переплетении в эпосе мифологических и исторических элементов: "Древнейшие мифы, сложившиеся за тысячелетия до начала исторического периода жизни в Армении, и исторические события, запечатлевшиеся в памяти очевидцев и их потомков на протяжении 1000 лет, **слились в единое целое**, окрашенное видимостью исторической формы, сохраняя свою мифическую насыщенность"(с.25). Автор раскрывает мифологические черты армянского эпоса, сравнивает мифологические представления армян с мифологией других народов. Освещена в предисловии и проблема народности "Давида Сасунского"; особенно ярко и вдохновенно обрисованы образы героев, причем не только главных, но и второстепенных.

Предисловие Иосифа Орбели явилось самым многоплановым и глубоким исследованием об армянском эпосе. Этой работой определяется уровень научно-критической мысли о "Давиде Сасунском" конца 30-ых годов. Заметим, что научная постановка вопросов, освещенных в предисловии, почти не претерпела принципиальных изменений в монографии И.Орбели "Армянский героический эпос", изданной в 1956 году и написанной на основе предисловия. На авторитетное мнение ученого по целому ряду важнейших проблем, касающихся "Давида Сасунского", ссылались в дальнейшем многие армянские фольклористы и литературоведы.

* * *

В юбилейных русских публикациях впервые было высказано мнение о **мировом значении армянского эпоса** - мнение, которое ныне считается традиционным, привычным, не требующим доказательств. Между тем до юбилейного периода подобной оценки армянского эпоса в критике не существовало. Проводились параллели, аналогии с образцами эпического творчества других народов, но на уровне отдельных мотивов, образов, деталей, а не в плане **идейно-художественного содержания эпоса в целом**.

⁴² См. Предисловие И. Орбели к кн.: Давид Сасунский. Армянский народный эпос. М.-Л., издн. АН СССР, 1939, с.11. В дальнейшем при цитировании страницы указываются в самом тексте.

Интересно и то, что в самом начале подготовки к юбилею, осенью 1938 года, мысли о мировом значении “Давида Сасунского” высказывались отдельными авторами скорее в форме заявки. Так, Н. Зарьян писал: “Эпопея “Сасунци Давид” **должна занять достойное место в ряду лучших памятников мировой литературы**”⁴³; а вот мнение В. Кирпотина: “Сасунци Давид” во всем своем объеме **заслуживает широкой популяризации** и среди русских читателей, и среди читателей других народов СССР. Это произведение является одним из лучших в мировой народно-эпической литературе и по своему художественному, и по своему культурному значению”⁴⁴. Но уже спустя несколько месяцев, по мере знакомства с текстом эпоса через юбилейные издания и публикации, слова о мировом значении “Давида Сасунского” стали звучать все чаще и уверенней, обретали утвердительную, доказательную силу. Об армянском героическом эпосе как об одном из лучших образцов мирового фольклора, стоящем в одном ряду с величайшими эпосами мира, писали Ал. Толстой, В. Гольцев, В. Державин, И. Розанов и др.

О мировом значении армянского эпоса говорилось не только отдельными писателями и критиками, но и, так сказать, на государственном уровне - в передовицах юбилейных номеров газет “Правда”, “Известия” и др. “Правда” от 15 сентября 1939 года писала: “Через советскую культуру “Давид Сасунский” **входит в орбиту мировой культуры** и становится частью великого героического эпоса человечества рядом с “Илиадой” и “Одиссеей”, с богатырским былинным эпосом русского народа, с “Калевалой” и сагами Севера, с “Кольцом Нибелунгов” и многими другими сокровищами народного творчества”.

* * *

Таким образом, русские критические и научные публикации, приуроченные к 1000-летию юбилею “Давида Сасунского”, сыграли важнейшую роль как в деле популяризации эпоса среди неармянских читателей, так и в плане многостороннего освещения, анализа и оценки его идейно-художественного своеобразия и богатства. В этих публикациях были поставлены и решены различные научные проблемы, связанные с эпосом; была выдвинута мысль о мировом значении “Давида Сасунского”. Публикации эти значительно обогатили литературно-критическую, научную мысль об армянском эпосе.

Մ. Գ. ԶԱՆՓՈՒԱԴՅԱՆ - Ռուսերեն քննադատական հրապարակումները «Սասունցի Դավիթ» էպոսի 1000-ամյակի տոնակատարության ընթացքում. - Հոդվածում քննության են առնված հայ և ռուս գրողների և քննադատների հրապարակումները «Սասունցի Դավիթ» էպոսի մասին՝ տպագրված 1938-1939 թթ. ռուսալեզու պարբերականներում և ժողովածուներում: Ցույց է տրվում այդ հրապարակումների նշանակությունը ինչպես հայ հերոսական էպոսը ռուս ընթերցողին ներկայացնելու, այնպես էլ «Սասունցի Դավիթ» գաղափարական-գեղարվեստական էությունը, նրա համաշխարհային արժեքը բացահայտելու առումով: Այդ հրապարակումները զգալիորեն հարստացրել են գրաքննադատական, գիտական միտքը հայ ազգային էպոսի մասին:

⁴³ Н. Зарьян. “Давид Сасунский”. “Правда”, 1938, 15 октября.

⁴⁴ В. Кирпотин. “Сасунци Давид”. “Известия”, 1938, 15 ноября.